

Старый мошенник упрямо твердил, что в этом году Тун Янь противостоит великому божеству Тай-Суй. Именно ради этого мать потащила его в храм в самом начале года — задобрить богов. Сам Тун Янь, разумеется, только отмахивался от этой чепухи и не воспринимал ее всерьез.

Но порой суеверия сбываются. С конца марта до середины апреля над Городом S непрерывно висела серая хмарь, дождь лил целых полмесяца. И ровно столько же Тун Янь страдал от беспросветного невезения. Навалившаяся на него черная полоса была такой тяжелой, что он ухитрялся спотыкаться и падать прямо на ровном месте.

На следующий день после встречи с Е Линьлан Тун Янь, как обычно, получил от ворот поворот на нескольких кинопробах. Вечером он вернулся в агентство и, едва приоткрыв дверь в репетиционный зал, наткнулся на физиономию еще более кислую и несчастную, чем его собственная.

— Явился? — парень, растягивавший мышцы у станка, вяло кивнул ему в знак приветствия.

Тренировать базу, конечно, дело хорошее, но если растрачивать все силы на упражнения у зеркала, в шоу-бизнесе далеко не уедешь. Впрочем, Тун Янь не собирался никого учить жизни, а потому лишь глухо буркнул что-то в ответ.

Они подписали контракты в один день. Из-за созвучия имени парень получил прозвище Сяобайхуа — Белый Цветок. Был он на редкость высокомерен и строил из себя недотрогу. В их агентстве каждый первый спал и видел, как бы запрыгнуть в постель к самому Лао Не, но Сяобайхуа демонстративно держался в стороне.

Месяц назад Лао Не где-то на него наткнулся и тем же вечером прислал карту от гостиничного номера. И парень не подкачал, полностью оправдал свой образ неприступного идеалиста — взял и гордо отказал генеральному директору.

Расплата за такую строптивость последовала незамедлительно. Мало того что менеджер теперь пинал его при каждом удобном случае, так еще и коллеги, исходившие завистью, превратили его жизнь в ад, ежедневно изводя насмешками и бойкотами.

Тун Яню претила эта мышьяная возня, которая никому не приносила выгоды, поэтому участвовать в травле он не стал. Оставшись без поддержки, Сяобайхуа начал жаться поближе к нему. Разумеется, тут крылся свой расчет: в их террариуме каждый прекрасно знал, что с Тун Янем лучше не связываться — себе дороже.

Тун Янь не любил совать нос в чужие дела, а Белому Цветку потакал лишь потому, что находил забавным иметь под рукой послушного прихвостня.

Вот только сегодня этот прихвостень вел себя подозрительно робко. Заметив Тун Яня, он тут же опустил ногу, выпрямился и замер, нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

— Тун Янь...

Тун Янь терпеть не мог чужих недомолвок:

— Выкладывай давай. У тебя что, словесный запор начался?

Тот замялся пуще прежнего:

— Я...

Тун Янь уже открыл было рот, чтобы смачно выпругаться, но тут боковым зрением уловил движение у входа: в репетиционный зал вошел их импресарио.

Тун Янь тут же забыл про Белого Цветка — все его мысли занимало куда более важное дело. Компания готовилась запустить в производство масштабную историческую фэнтези-драму «Дикие земли», выделив на съемки колоссальный бюджет. На кастинге Тун Янь вместе с другими девчонками и парнями из своей группы пробовался на эпизодическую роль. И помощник режиссера высказался о его кандидатуре весьма обнадеживающе.

И действительно, в тот же вечер к нему подошел менеджер и без обиняков объяснил негласные правила игры: в их группе десяток начинающих актеров, и то, кто именно получит роль в проекте компании, решает вовсе не режиссерская группа.

Намек был прозрачным: Тун Яню давали понять, что пора бы проявить «понимание». Дураком он не был, но для такого «понимания» требовались деньги, которых у него отродясь не водилось. Кое-как наскреб по сусекам несчастные триста юаней, затянув пояс до предела. Скрепя сердце засунул купюры в красный конверт и сунул в карман дядюшке Хуану. Раз уж долг вежливости был выполнен, Тун Янь рассчитывал получить наконец точный ответ.

Спустя пару минут они вместе с менеджером зашли в пустую раздевалку.

Но стоило Тун Яню вежливо, подбирая каждое слово, заговорить о роли, как импресарио с размаху швырнул ему прямо в лицо пачку распечатанных листов из своего портфеля.

— Какая еще роль?! Ах ты дрянь неблагодарная! Спишь и видишь, как бы нагреть агентство на стороне! Устроил тут самоуправство с контрактом, а теперь еще смеешь клянчить у компании роли?!

Тун Янь опешил. А ведь когда этот боров загребал его конверт, он чуть ли не в грудь себя бил, уверяя, что все схвачено и можно спать спокойно.

На разлетевшихся по полу листах красовались каталожные снимки дешевой одежды с Таобао.

Лица моделей на них были отфотошоплены до такой степени, что родная мать не узнала бы. Отрицать очевидное смысла не было.

Тун Янь засунул руки в карманы брюк и небрежно прислонился спиной к шкафчику:

— Дядюшка Хуан, давайте начистоту. Кому ушла роль?

Ситуация была ясна как день. С тех пор как они подписали контракты, компания не предложила им ни одной стоящей работы. Ребята сами крутились как могли, подрабатывая на стороне и исправно отдавая агентству процент, так что на мелкие левые заказы начальство обычно закрывало глаза. Сам дядюшка Хуан не раз брал с них взятки за молчание. И то, что он вдруг решил вспомнить о правилах именно сейчас, означало лишь одно: ублюдок прикарманил деньги, роль отдавать не собирался, а теперь напал первым, чтобы заткнуть Тун Яню рот.

Маски были сброшены. Хуан, брызжа слюной, рявкнул:

— Твоему брату Сяобаю!

Тун Янь от удивления даже зубами скрежетать перестал.

"Этой недотроге из коридора?!"

Импресарио посмотрел на него сверху вниз, словно на шелудивого пса:

— Сяо Байхуа просто глупил первое время. Теперь у него мозги встали на место, он согласился на условия. Разумеется, теперь он получит всё, что пожелает. А ты кто такой? Пыль под ногами.

Проще говоря, Белый Цветок засунул свою хваленую гордость куда подальше и лег под нужного человека.

А Тун Янь, как последний дурак, зря потратил время, силы и деньги. Приходилось признать поражение.

Пока парень молча проглатывал обиду, менеджер подошел вплотную и начал размахисто, унижительно похлопывать его по щеке своей жирной пятерней.

— Сяо Байхуа хоть и обеднел, а все равно из приличной семьи, породу сразу видно. Естественно, господин обратил на него внимание. А на тебя глянешь — нищета беспросветная. И с таким рылом ты лезешь в калашный ряд? Смешно! Решил откупиться тремя сотнями юаней? Ты кого вздумал подачками кормить, нищего на паперти?

Шлепки сыпались один за другим, щека горела огнем.

Хуан с размаху залепил ему настоящую пощечину:

— И не смей на меня так пялиться! Будешь зыркать — я тебя засужу за нарушение контракта, по миру пуцу, понял?!

Вся его гнилая, ублюдочная натура проступила наружу.

Так что не стоит винить Тун Яня в том, что у него сорвало резьбу.

Тун Янь никогда не спускал обид: укусит собака — он в ответ перегрызет ей глотку. Едва за импресарио закрылась дверь, он вышел следом. Рукава его куртки были натянуты до самых пальцев, а под левым предплечьем отчетливо угадывался длинный, острый металлический предмет.

Но стоило ему схватиться за ручку двери, как Сяобайхуа мертвой хваткой вцепился в его плечо:

— Стой! Ты куда собрался?!

Хоть Тун Янь и понимал, что на месте Белого Цветка прыгнул бы в койку к боссу еще быстрее, сейчас один вид этого лицемерного чистоплюя вызывал у него тошноту.

С пылающей от удара щекой и бешеной яростью в глазах Тун Янь натянул на лицо фальшивую усмешку. Он резко сбросил чужую руку и, не проронив ни слова, двинулся к выходу. Сейчас все его мысли занимал жирный боров Хуан, решивший вытереть об него ноги.

Самым дорогим сокровищем импресарио была новенькая иномарка. Статусом в компании он не вышел, так что парковаться в подземном гараже ему не позволялось — машина стояла у восточного крыла, в «слепой зоне», где не было ни одной камеры наблюдения. Тун Янь всегда бил по больному: если не можешь разбить врагу морду открыто, ничто не мешает пустить под откос то, что ему дорого.

Но не успел он сделать и пары шагов, как позади раздался негромкий голос Сяобайхуа:

— Тун Янь, остынь. После того что случилось в раздевалке, любая пакость в адрес Хуана автоматически падет на тебя. Он в первую очередь подумает на тебя.

Тун Янь замер как вкопанный.

— Если он просто сдерет с тебя деньги за ущерб — это полбеды. Но если он поймет, что ты способен на месть, он сотрет тебя в порошок. Из принципа сделает так, чтобы ты до конца дней из массовки не вылезал.

И ведь ублюдок был чертовски прав. Жирный Хуан всю жизнь пресмыкался перед сильными и топтал слабых. Такие подонки, зная за собой кучу грехов, всегда держали ухо остро и душили любую угрозу в зародыше.

Обида и злость душили Тун Яня, но холодный рассудок взял верх. Он медленно обернулся.

«Ладно. Хрен с тобой. Придется еще немного побыть послушным мальчиком. Долбаная жизнь»

Но судьба-злодейка решила над ним поиздеваться. Едва он принял это нелегкое решение, как в коридор с криками влетел один из стажеров.

— Ребята, вы слышали?! Машину дядюшки Хуана на парковке в хлам разделали! Кто-то бочину гвоздем располосовал!

Тун Янь несколько секунд тупо хлопал глазами, а потом выдавил сквозь зубы:

— Блять...

Даже Белый Цветок на мгновение лишился дара речи, но быстро взял себя в руки:

— Не дергайся. Если что, я подтверждаю, что ты из зала никуда не выходил.

Настоящего народного мстителя, ясное дело, так и не нашли. Рассвирепевший Хуан, у которого как назло горели какие-то дела, уехал, но велел передать Тун Яню, чтобы тот «держал язык за зубами и вел себя тише воды, ниже травы».

Отмыться от этих подозрений теперь было невозможно — как доказать, что ты не верблюд? А алиби от Сяобайхуа не стоило и ломаного гроша: он и сам недавно ходил в синяках от пинков Хуана, так что подозревали их обоих. И даже если менеджер поостережется трогать фаворита генерального директора, то уж Тун Яню он кровь свернет при первой возможности.

Когда Тун Янь выходил из здания, на улице вовсю бушевала гроза. Гром грохотал так, словно наступал конец света. Это давящее чувство безысходности, будто он не доживет до утра, сжимало тисками грудную клетку.

А этот придурок Сяобайхуа еще и подливал масла в огонь своими дурацкими советами:

— Слушай... Ты же говорил, что у тебя в этом году противостояние великому божеству Тай-Суй? Раз всё наперекосяк идет, может, сходишь к гадалке или талисман какой купишь?

Тун Янь мысленно обозвал его конченным дебилом, а вслух зло огрызнулся:

— Завали хлебало со своими бреднями. Были бы на свете боги, этот жирный ублюдок Хуан давно бы в аду горел. Да и куда мне еще сильнее не повезти? Хуже уже точно не будет.

И в ту же секунду у него в кармане истошно затрезвонил мобильник.

Он нажал на кнопку приема, и из динамика вырвался дрожащий, испуганный голос матери:

— Сынок, быстрее домой! Бабушка сознание потеряла!

Судьба — штука непредсказуемая. Фаталисты называют это роком, а вот мать Тун Яня всегда любила повторять, что противостояние великому божеству Тай-Суй приносит не только несчастья. Кого-то оно, наоборот, выталкивает на самую вершину успеха.

Пройдет много лет, прежде чем он сможет оценить, чем стала для него та судьбоносная встреча — величайшим благословением или проклятием всей жизни. Но даже спустя годы, возвращаясь мысленно в ту дождливую ночь, Тун Янь каждый раз испытывал странный трепет.

К счастью, обошлось. Старушка пришла в себя еще в машине скорой помощи. В больнице ей сделали экспресс-анализы, перевели в палату интенсивной терапии и поставили капельницу. Лишь тогда Тун Янь наконец смог перевести дух, чувствуя, как душа возвращается в онемевшее тело. Кома при уремии — это не шутки, тут до могилы один шаг.

Для бедняков визит в больницу — это всегда финансовый крах, подчищающий все сбережения за пару часов. Когда бабушку окончательно устроили в палате, Тун Янь заглянул в свой бумажник. Там сиротливо ютились две потрепанные купюры по десять юаней.

— Мам, я отойду ненадолго. Есть дело, — бросил он и поспешил к выходу.

Срочно требовались деньги. Время близилось к полуночи, но Тун Янь принялся лихорадочно обзванивать всех знакомых. Удача улыбнулась ему: в одном из ночных клубов заболел танцор шоу-балета, и организаторам срочно требовалась замена на ночную смену.

Сжимая трубку плечом и всюю торгуясь на ходу, выбивая гонорар побольше, Тун Янь быстро шагал по больничному коридору. На самом повороте в него кто-то с силой врезался с правой стороны.

Едва удержавшись на ногах, он резко развернулся, готовый обрушить на виновника весь

накопившийся за день гнев.

Но ругательства застряли у него в горле. Перед ним стоял... метис? Иностранец?

«Блин, мне что, теперь на английском материться?»

Мужчина перед ним был поразительно красив и высок — под два метра ростом. На нем были простые темно-серые брюки и белоснежная рубашка, но сидели они так безупречно, словно он только что сошел с разворота дорогого модного журнала. Черты его лица выдавали смешанную кровь: безупречный, словно высеченный из мрамора прямой нос, четко очерченные губы, сжатые в холодную, бесстрастную линию. Весь его облик излучал поразительное спокойствие и властную, почти осязаемую ауру недостижимости.

Под этим тяжелым, давящим взглядом Тун Янь мгновенно сдулся, а вся его спесь бесследно испарилась.

«Стоп... Где-то я его уже видел»

Но прежде чем он успел покопаться в памяти, незнакомец заговорил первым. Голос его звучал низко и чуть хрипло, а идеальный выговор не оставлял сомнений в прекрасном воспитании:

— Прошу прощения.

Он вежливо кивнул Тун Яню и, не дожидаясь ответа, зашагал прочь по коридору.

Проводив его взглядом, Тун Янь наконец пришел в себя. Он сделал шаг вперед и почувствовал, как подошва наступила на что-то мягкое.

Под ногами лежал дорогой кожаный кошелек превосходной выделки.

Тун Янь огляделся по сторонам — мужчины и след простыл. Направляясь к выходу, он на ходу раскрыл кошелек. Внутри лежала внушительная пачка крупных купюр и целый веер элитных кредиток, назначения которых парень даже не знал. Никаких визиток или документов, удостоверяющих личность, внутри не оказалось.

«Ничего себе... Неужели небеса решили подкинуть мне денег на карманные расходы?»

Но радовался он недолго. Нащупав пальцами узкий потайной кармашек, он выудил оттуда неразрезанную полоску стандартных двухдюймовых фотографий для документов.

Без темных очков лицо незнакомца выглядело еще более впечатляюще: глубокие, умные глаза

необычного серо-голубого оттенка...

Тун Янь оцепенел.

В следующую секунду он пулей вылетел на улицу, даже не думая прятаться от проливного дождя. Руководствуясь внутренним чутьем, он рванул в сторону парковки. Спустя полминуты отчаянного бега сквозь стену воды он разглядел в темноте знакомый силуэт.

Мужчина не спеша шел к машинам под большим черным зонтом. Чуть позади него держалась женщина, тоже с зонтиком в руках.

«Мать твою, да ведь это же Не Чжэн!»

«По телевизору он выглядит совсем иначе, вот почему я его сразу не признал!»

Тун Янь прибавил ходу, крича во все горло:

— Господин Не!

Но вой сирены очередной скорой, промчавшейся мимо больницы, безжалостно поглотил его голос в шуме бушующей непогоды.

Дождь нещадно хлестал по лицу, холодные капли затекали за шиворот, но Тун Янь упрямо бежал вперед, крича еще громче:

— Господин Не!

Когда он пересекал площадь перед корпусом, прямо перед ним с ревом пронесся внедорожник, окатив его волной грязной воды с ног до головы. Тун Янь на секунду замер от неожиданности, но тут же продолжил погоню:

— Господин Не!

На этот раз мужчина наконец обернулся.

«Слава богам! Это действительно он — тот самый Не Чжэн, которого даже за глаза никто не смеет назвать просто по имени!»

«Такой шанс упускать нельзя. Я обязан вернуть этот кошелек лично в руки!»

Задыхаясь от быстрого бега, Тун Янь наконец поравнялся с ними. В горле пересохло, легкие горели огнем, и он не мог вытолкнуть из себя ни единого внятного слова.

Спутница Не Чжэна сделала шаг навстречу и заботливо приподняла свой зонт над мокрой головой Тун Яня, защищая его от ливня.

— Юноша, у вас что-то случилось?

Сам Не Чжэн молча изучал его взглядом. Одно его присутствие давило невероятной, монументальной силой.

На этот раз Тун Янь совладал с робостью. Он судорожно сглотнул, смочив пересохшее горло, и решительно протянул кожаный бумажник:

— Возьмите... Вы обронили его, когда мы столкнулись в переходе.

Тяжелые капли с шумом разбивались о натянутую ткань зонта. Не Чжэн принял кошелек, и его глубокий, бархатистый голос отчетливо прозвучал в ночной тишине:

— Мы знакомы?

Сердце Тун Яня бешено заколотилось. Вот он — подарок судьбы! Если ему удастся заручиться поддержкой этого титана, все козни ничтожного Хуана покажутся детским лепетом.

Постаравшись придать голосу максимум уверенности, он ответил:

— Да. Я актер из агентства «Юньсин».

Не Чжэн медленно снял темные очки. Его лицо оставалось в густой тени зонта, так что рассмотреть редкий серо-голубой оттенок глаз было невозможно, но сам взгляд — пронизательный, острый и невероятно сосредоточенный — буквально гипнотизировал.

Казалось, этот человек видит его насквозь. Тун Янь заготовил в голове десяток изящных фраз, но под этим взглядом все его красноречие мгновенно испарилось.

«Что мне сказать? Как подкатить к этому боссу, чтобы не показаться навязчивым попрошайкой?»

— Хм... Я тебя не помню, — с легким сомнением произнес Не Чжэн.

Тун Янь мысленно хмыкнул: «В "Юньсин" сотни стажеров и актеров всех мастей, откуда вам

помнить каждого встречного?» Вслух же вежливо пояснил:

— Я подписал контракт совсем недавно. Меня зовут...

Но закончить фразу ему не дали. Не Чжэн негромко прервал его:

— Спасибо. — И протянул ему ручку своего зонта. — Держи.

Жест был великодушным, но в то же время ставил жирную точку в их разговоре.

Рядом бесшумно замер представительский «Майбах». Водитель уже открыл заднюю дверцу, ожидая босса. Было очевидно, что Не Чжэн очень спешит.

Роль бескорыстного добряка нужно было доигрывать до конца. Скрепя сердце, Тун Янь замахал руками и попятился назад в темноту:

— Да ладно вам, разве это дождь? Я привык. Зонт не нужен. Всего доброго!

Развернувшись, он демонстративно побежал обратно под проливной дождь, оставляя Не Чжэна позади.

Отбежав на приличное расстояние, он остановился и обернулся. Красные габаритные огни скрывающегося в темноте автомобиля окончательно растаяли в пелене дождя. Тун Янь с досадой провел ладонью по мокрому лицу.

«Черт побери! Даже имя свое назвать не успел. Ну и на кой хрен я строил из себя благородного рыцаря?!»

<http://bllate.org/book/18307/1755421>